

УДК 323(430.2)

К. Б. Божик

аспирант каф. теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: mo.kafedra@yandex.ru

ГДР: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

В статье анализируются основные моменты развития Германской Демократической Республики, советское влияние на внешнеполитическую ориентацию ГДР. Автор уделяет внимание проблемам внутреннего развития восточногерманского государства накануне его крушения и фактического поглощения.

Ключевые слова: ГДР; ФРГ; суверенитет; идеология; советский блок; социалистические страны; нация; Эрих Хонеккер; Ханс Модров; объединение Германии.

7 октября 1949 г. в Берлине Немецкий народный совет, в котором большинство принадлежало СЕПГ и подконтрольным ей общественным организациям, провозгласил создание Германской Демократической Республики. Советские и восточногерманские публицисты десятилетиями подходили аксиоматически к той точке зрения, что провозглашение ГДР стало ответом трудящихся во главе с СЕПГ на сепаратное провозглашение «силами реакции» зависимой от американского империализма Федеративной Республики, в которой в любой момент могли восторжествовать «реваншисты» [5]. Значительная часть научных и публицистических работ, выходивших в Советском Союзе и ГДР, были посвящены доказательству опасного для мира развития ФРГ как реваншистского и милитаристского государства. В Москве публиковались книги с алармистскими названиями (Н. И. Салехов «Аденауэрский рейх – продолжение гитлеризма»; В. И. Милукова «Дипломатия реванша»). В зависимости от отношений с ФРГ менялся лишь стиль риторики. При этом в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (по мере укрепления германской версии «развитого социализма» и роста амбиций восточногерманского руководства во главе с Эрихом Хонеккером) в исторической науке ГДР усилилась точка зрения, согласно которой немецкие коммунисты и СЕПГ самостоятельно избирали путь развития страны, ставя советских товарищей перед фактами свершившейся воли немецких трудящихся [12, с. 397].

Иными словами, ГДР позиционировала свое бытие как бегство от империалистической реакции части немецкого народа, освобожденного Советским Союзом. В условиях, когда риторика о грядущем воссоединении вошла бы в противоречие с советским тезисом о мирном сосуществовании двух систем и выглядела бы игрой на руку «поджигателям новой войны», а здравый смысл подсказывал, что воссоединение будет означать крах социализма. ГДР была краеугольным камнем советской империи на Западе [8]. ГДР строилась как Новая (де-факто – Малая) Германия с неразличимо затуманенным общегерманским будущим. Правила игры в социалистическое, т. е. революционное, общество, кроме того, осложненные национальной виной за «германский империализм» и «фашизм» (эти термины были для немцев заимствованиями), вели к тому, что ГДР строилась как Новая (де-факто – Малая) Германия с сильно затуманенным общегерманским прошлым. С национальной точки зрения, восточные немцы попали в положение потерпевших крушение, которые, подобно героям «Таинственного острова» Ж. Верна, решили считать себя колонистами и осваивать неизвестную землю, не задумываясь «до поры» о наиболее очевидной из желаемых целей – воссоединиться с обществом.

В момент возникновения двух немецких государств их существование воспринималось и самими немцами, и представителями победивших держав как нечто временное. Все стороны ощущали, что период разделения Германии на два государства будет более длительным, нежели разделение на оккупационные зоны, но завершится в обозримом будущем. Однако вскоре надежды заметно померкли. Как указывают Д. Гудименко и А. Родионов, «следует отметить, что оба немецких государства создавались как временные: ФРГ в расчете на скорый «аншлюс» Восточной Германии, а ГДР – с надеждой на социалистические преобразования в западной части страны. И если в ГДР довольно быстро убедились в невозможности «экспорта революции» на Запад, то в ФРГ вплоть до конца 1960-х гг. не желали признавать существования самостоятельного восточногерманского государства. В конечном итоге и ФРГ, и ГДР оказались «временностью на долгий срок» [3, с. 131–133]. Эта неопределенность и ощущение «ненастоящести» были болезненны и для Западной, и в еще большей мере – для Восточной Германии.

На «Рейнском» Западе «отражением этой временности было, в частности то, что столицей ФРГ (до ожидавшегося объединения

Германии был специально выбран маленький и ничем не примечательный Бонн. Это неизбежно наложило на западногерманскую государственность отпечаток некоторого провинциализма, ибо в ФРГ отсутствовал какой-либо четко выраженный исторический национально-государственный центр» [4, с. 73]. Подчеркнутым лаконизмом отличались новые государственные символы – предельно упрощенный и архаизированный герб и исполненный на основе герба и в цветах государственного флага единственный (во многих степенях) орден «За заслуги перед Федеративной Республикой». Однако в самом отсутствии «настоящей столицы», как и в предельной простоте символики разгромленной и буквально уполовиненной Германии проявились сильные стороны: такая Федеративная Республика (не стоит забывать, что в самоназвании страны стало использоваться исконно немецкое слово «Bund»), отстраняясь от трагических державно-геополитических вопросов, возвращаясь к истокам, претендовала на роль наследницы всей немецкой культуры и государства всей немецкой нации. Конституционной целью существования ФРГ с 1949 г. являлось установление единства немецкой нации [2]. В речах руководителей ФРГ в СМИ подчеркивался «Provisorium» – временный характер государственного существования Западной Германии без восточной части страны. Последовавшее в 1973 г. признание Западной Германией Германской Демократической Республики не отменило этой цели.

В этом смысле в еще более затруднительном положении оказалась ГДР, на Западе называемая «красной Пруссией» [8, с. 90], Германская Демократическая Республика состояла, главным образом, из бывших прусских и саксонских территорий. Пруссия, по решению Потсдамской конференции утратившая историческое ядро с Кёнигсбергом и Силезией, окончательно была ликвидирована в 1947 г. решением Союзнической Контрольной Комиссии. Однако и созданные на территории Восточной зоны земли (Берлин, Бранденбург, Мекленбург – Передняя Померания, Саксония, Нижняя Саксония, Тюрингия) [6] были расформированы в 1952 г. На их месте в ходе «государственно-централистской» административно-территориальной реформы были созданы 10 экономически специализированных округов. «...каждый из этих округов получил свое экономическое обозначение, <...> нашедшее отражение в языковом обиходе. Котбус стал энергетическим округом, Галле – химическим, а Магдебург – округом тяжелого машиностроения» [6, с. 146], – поясняет последний

премьер-министр ГДР и бывший глава Дрезденской организации СЕПГ Ханс Модров, оговариваясь, что не сразу замеченным следствием курса на разрыв с прежней земельной идентичностью стал рост гражданского равнодушия и нигилизма.

Разумеется, то же самое можно сказать о разрыве не только на земельном уровне, но и на общенациональном. Германская государственность – прежде всего, «прусский империализм» со всей предысторией – подавалась в общемарксистском ключе, чрезвычайно усугубленном недавним прошлым Германии, как абсолютное зло, сковывавшее силы немцев и приносящее горе другим народам. Менее зловещее «феодально-абсолютистское» прошлое иных германских земель, разумеется, тоже оценивалось по марксистским меркам. «Полноценное национальное бытие» началось только со становлением социализма.

Творцами новой Германии объявлялись антифашисты, объединившиеся на платформе СЕПГ; их спасителями, помощниками и наставниками – советские товарищи. Статус ГДР как «вечного союзника СССР» был закреплён конституционной поправкой 1974 г. [9]. Надежда на грядущее воссоединение страны содержалась в именовании ГДР «первым в мире государством рабочих и крестьян на немецкой земле», однако оно же констатировало разделенность Германии на неопределенный срок, что к 1970-м гг. вынудило режим прибегнуть к тезису о «двух германских нациях – социалистической и капиталистической» [11, с. 54]. Этот тезис, родившийся в руководящих кругах ГДР, немедленно был подхвачен и развит восточно-германскими учеными (прежде всего, академиком Ю. Кучинским). По мнению автора, тезис о двух нациях был связан с желанием увеличить пропасть между ГДР и ФРГ, затруднить объединение и продлить власть СЕПГ – элиты. Закрытость границы и возведение стены – свидетельства низкой конкурентоспособности социализма на немецкой земле, ибо удержать граждан от массового бегства удавалось не с помощью экономических и социальных достижений, а с помощью железобетонной стены. Выезд на Запад был разрешен только гражданам, достигшим пенсионного возраста. Государственные служащие давали письменные обязательства, что не будут слушать западное радио и смотреть западные телевизионные передачи.

Постоянным болезненным напоминанием о происхождении ГДР, соотношении ее с германской нацией и ограниченности

восточногерманского суверенитета был берлинский вопрос. Разделенность Берлина, в 1961 г. закреплённая «защитным антифашистским валом», не давала забыть ни об отсутствии гражданских свобод, ни о продолжающейся иностранной оккупации, при которой Советский Союз и власти ГДР выглядели виновниками зависимости и разделения нации в большей мере, чем НАТО и власти ФРГ, как бы ни клеймила их пропаганда, ни о положении Восточной Германии как острова потерпевших крушение.

Почти в любом не скованном советской идеологией исследовании встречается замечание о том, что ГДР экономически и политически зависела от СССР больше прочих восточноевропейских стран. Бывший советский посол в ГДР Пётр Абрасимов, летом 1970 г. поддержавший Хонеккера против Ульбрихта [1], в 1992 г. в интервью журналу «Der Spiegel» настолько категорично сравнил ГДР с «искусственным человечком – гомункулузом, созданным в советской лаборатории», что приводящий это высказывание профессор Боннского университета Й. Шолтысек считает нужным подчеркнуть, что оно «представляется уместным только в отношении образования ГДР, но такое сравнение ничего не говорит о дальнейших перспективах развития» [10, с. 239]. Разумеется, очевидность такого положения для восточных немцев была одной из причин низкого авторитета восточногерманской государственности.

Вне зависимости от географических привязок той или иной персоналии, ГДР претендовала на общегерманское культурное наследие (разумеется, если деятель культуры или науки был более-менее «прогрессивен»). Культ грандиозной немецкой культуры и не менее грандиозной немецкой науки, объявлявшихся достоянием народа небольшой республики, производил двойственное впечатление. С одной стороны, гражданам ГДР был предоставлен чрезвычайно высокий уровень персоналий и объектов национальной гордости и персоналий гражданского культа «на душу населения». Историко-культурный «ассортимент» неуклонно возрастал, – ГДР и в этом «изобилии» заметно превосходила советского «старшего брата». Как отмечает Б. Фауленбах, «если сначала ГДР определяла себя наследницей революционных немецких традиций, затем прогрессивных традиций, то позднее, с конца 1970-х гг., она пыталась подать себя наследницей всей немецкой истории, включая Мартина Лютера, имя которого в 1983 г. стало культовым, и отчасти и Отто Бисмарка.

ГДР во всех отношениях признавала себя наследницей немецкой истории и тем самым и немецких традиций, конечно, за исключением ответственности за национал-социалистическое время» [9, с. 94]. С другой стороны, этот культ был обременен «общесоциалистическими» идеологическими противоречиями и недоговорками и при этом отчетливо напоминал, что «прогрессивная», «истинная» ГДР – лишь остров, оставшийся от былой Германии, сохранить который патриотам-антифашистам не удалось.

Возвращаясь к мысли Х. Модрова, можно заметить, что навязывавшееся «сверху» ослабление земельного патриотизма в сочетании с официально исповедовавшимся германским культурным универсализмом на деле играли против идеи самодостаточности ГДР и в пользу идеи германского единства, осуществимого отнюдь не под эгидой ГДР. Естественно, что на позднем, хонеккеровском, этапе произошел достаточно заметный культурно-идеологический поворот к традициям прусской и саксонской государственности, в том числе, в эксплуатации образа Фридриха Великого (памятник которому, демонтированный было после провозглашения ГДР, восстановили в центре Восточного Берлина). Лейпцигские и дрезденские идеологи и энтузиасты брали своеобразный реванш у Берлина – «за отсутствием Пруссии» (после ее ликвидации и при неуместности педалирования прусского наследия), Саксония превратилась в историко-культурное сердце «новой социалистической Германии». Кинематограф и телевидение ГДР «не по-советски» щедро и завлекательно осваивали «Золото Саксонии и сталь Пруссии» (название цикла «костюмных» телефильмов о немецком «галантном веке»).

На уровне символов закамуфлированное «пруссачество» было «законсервировано» в Национальной Народной Армии ГДР, образованной в 1956 г. на казарменном положении Народной полиции. Например, культивировался традиционный прусский «гусиный шаг», запрещенный в 1956 г. в ФРГ как элемент, напоминавший о милитаризме и нацистских парадах. Фуражки, повседневные плетеные офицерские погоны, да и другие элементы военной формы делали военнослужащих ННА весьма похожими на германских военных недавнего прошлого, но принципиальное различие должен был подчеркнуть головной убор, ставший одним из символов социалистической Германии – стальной шлем запоминающихся очертаний. Заметным для восточных немцев отличительным знаком усиления суверенитета республики, наряду с переименованием КНП в ННА,

стала замена деталей форменного костюма: цвет погон, петлиц и кантов, сначала заимствованный у Советской Армии (малиновый цвет пехоты, черный с красным кантом танкистский и т. д.), была заменена расцветкой, сложившейся в вермахте (белый пехотный, розовый танкистский и т. д.).

Следует заметить, что определенная «реакция» в том же направлении имела место и в ФРГ, где к концу 1950-х были восстановлены армейские кители, напоминающие по крою и декору форму вермахта, тогда как первоначальная форма офицеров бундесвера значительно отличалась от прежнего обмундирования, вплоть до некоторого окарикатуривания, когда на смену «воинственным» кителям и фуражкам сначала пришли непопулярные, «по-граждански» и «по-иностранному» выглядевшие двубортные тужурки и головные уборы, напоминающие австрийские.

Из фигур «прусской военщины» в социалистической Германии проще всего было реабилитировать вождей борьбы с наполеоновской Францией. В ГДР был создан орден Шарнхорста, которым щедро награждали, в том числе, и советских военачальников, а также «спящий» боевой орден Блюхера.

Популярность и легитимность ГДР, как и других социалистических стран, подтачивал и религиозный вопрос. Режим СЕПГ явно не преуспел в насаждении атеизма в той мере, в какой этого добились его советские коллеги. Роль церкви в ГДР (как и религиозность населения) была явно ниже, чем роль костела в Польше, однако в обеих странах церковь (пользуясь определенной автономией от тоталитарного государства и определенной экстерриториальностью) стала территорией до определенного времени скрытого сопротивления режиму. В случае с ГДР автономия и «экстерриториальность» церкви были поставлены на службу идее национального единства — церковь стала еще одним каналом воздействия на восточногерманское население, поддерживая политику экономического и информационного «притягательного магнита». Руководители ГДР все больше опирались не на поддержку населения, а на постоянно усиливающийся контроль над высказываниями и настроениями (особенно — в интеллигентской среде), над СМИ, публикациями. Министерство государственной безопасности вербовало «неофициальных сотрудников» во всех звеньях властного аппарата, среди литераторов, ученых, учителей, деятелей искусства.

Очень вредила имиджу ГДР не только «Стена» в Берлине, но и установленные вдоль этого сооружения огнестрельные приспособления, автоматически поражавшие тех, кто пытался покинуть территорию ГДР. За 28 лет существования «Стены» были убиты, по данным «Би-би-си», 1245 человек – «перебезджчиков».

Начавшаяся в Советском Союзе в середине 1980-х гг. перестройка и гласность были встречены лидерами ГДР в штыки. Информация о реформах в СССР строго дозировалась, советские газеты и журналы («Правда», «Огонек», «Спутник» и др.) исчезли из киосков, продающих прессу. В связи с тем, что перемены в Советском Союзе приобретали популярность в стране, и руководители сталкивались с призывами перенять опыт «старшего брата», член Политбюро Г. Миттаг высказывался против таких настроений. «Если вы узнали, что ваш сосед затеял ремонт своего дома, разве вы броситесь переклеивать обои?» – спрашивал он в своем выступлении по телевидению.

Между тем экономическая ситуация в стране ухудшалась. С началом процесса перестройки в Советском Союзе (в штыки воспринятой руководством СЕПГ) и кризиса советской экономики, субсидировавшей восточно-германскую, увязавшая в долгах (прежде всего – германо-германских) ГДР вступила в двойной кризис. Шаткость положения государства, с одной стороны, с другой – неполнота национальной идентификации, непопулярность общественной самобытности и государственной независимости стали более чем очевидны.

Свою лепту вносил и тот факт, что даже эстетически ФРГ оказывалась более привлекательна, чем ГДР: грубоватый полусоветский модернизм типовой застройки (на фоне которой, в частности проходил, последний парад ННА, посвященный 40-летию ГДР), натушный «прогрессизм» символики, не подкрепленный реальным техническим превосходством, символьная избыточность (например, множество государственных наград, аляповатых и под-верженных инфляции в брежневском ключе) побивались благородным немногословным архаизмом, опиравшимся на превосходство экономики, гражданских свобод, быта, «настоящий» национальный суверенитет (несмотря на сохранявшуюся ограниченность суверенитета ФРГ и все более подчеркнутое своеволие руководства ГДР по отношению к советскому сюзеру). Там, где сохранялся символический паритет, исход дела решался взглядом на суть: например, при не меньшей броскости

формы и ритуалов, бундесвер выглядел «более настоящей» армией, чем ННА, роль которой, вспомогательная по отношению к советским Вооруженным Силам и полицейская, никогда не была тайной.

Наряду с общим кризисом советского блока, идеологическое, мироощущенческое банкротство ГДР, проявившееся в дни 40-летия образования Республики, стало важнейшей причиной стремительно-го крушения восточно-германской государственности, несомненно, более значимой, чем даже серьезные экономические трудности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрасимов П. А.* Четверть века послом Советского Союза. – М. : Национальное обозрение, 2007. – 308 с.
2. *Вильке М.* Реформы против системы? Диссидентское движение в СССР и ГДР: реакция на десталинизацию // *Власть и общество в условиях диктатуры. Исторический опыт СССР и ГДР. 1945–1965.* – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 24–37.
3. *Гудименко Д., Родионов А.* Конфликт и консенсус в политической культуре ФРГ // *Мировая экономика и международные экономические отношения.* – 1993. – № 7. – 14–28.
4. *Зонтхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня. – М. : Памятники исторической мысли, 1996. – 320 с.
5. *Кузьмин И. Н.* Поражение: крушение ГДР и объединение Германии. – М.: Научная книга, 2002. – 340 с.
6. *Модров Х.* Я хотел жить в новой Германии. – М. : Международные отношения, 2000. – 440 с.
7. *Петелин Б. В.* Восточногерманский ХДС и социалистический выбор ГДР. 1945–1952 гг. – М. : Наука, 2007. – 320 с.
8. *Тимошенкова Е. П.* «Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза (1945–1955). – М. : Институт Европы РАН, 2007. – 25 с.
9. *Фауленбах Б.* ГДР между традицией «немецкого особого пути» и советским влиянием. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – 420 с.
10. *Шолтысек Й.* Внешнеполитическая эмансипация СОЗ / ГДР и ее границы // *Власть и общество в условиях диктатуры.* – Архангельск : Поморский университет. – 317 с.
11. *Eberhard K. Henning von Lövis: Griff nach der deutschen Geschichte. Erbeaneigung und Traditionspflege in der DDR.* – Paderborn ; München : Metropol, 1988. – 320 S.
12. *Stern Fritz.* Fünf Deutschland und ein Leben. – München : C. H. Beck, 2007. – 675 S.